

Jurij Druźnikow

Проблема развода в "Евгении Онегине"

Acta Polono-Ruthenica 3, 163-186

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Jurij Družnikow
Davis, Kalifornia

Проблема развода в *Евгении Онегине*

Тема этого сообщения может вызвать принципиальное возражение моих коллег, ибо предстоит анализ того, чего в романе *Евгений Онегин*, как известно, нет. Поэтому в качестве компромисса уточним заголовок: почему в романе Пушкина нет развода и мог ли он быть?

Еще Достоевский заметил в речи о Пушкине 1880 года, что „вопрос, почему Татьяна не пошла с Онегиным, имеет у нас, по крайней мере в литературе нашей, своего рода историю, весьма характерную...”¹ Последующее столетие значительно увеличило объем сочинений на эту тему. Два подхода к *Евгению Онегину* как к роману о любви уже отмечались, и, на наш взгляд, звучат как банальный анекдот о пессимисте и оптимисте: это роман о *несостоявшемся счастье* или роман о *состоявшейся любви*.² Тема построения и разрушения семьи в романе все время на плаву. Помимо того, что этим заняты главные герои, брачные проблемы отмечаются у родителей Татьяны, у Ольги после Ленского, уходящей из сюжета с уланом, у родителей Онегина (отец „давал три бала ежегодно и промотался наконец”, но почему-то отсутствует мать), даже у няни с Ваней.

Брачные отношения не очень занимали молодого Пушкина. По первоначальному замыслу, это был роман „вроде Дон-Жуана” (письмо Вяземскому от 4 ноября 1823), и для русского Дон-Онегина свободная любовь казалась важнее. Даже геттингентский романтик

¹ Ф. Достоевский, *Дневник писателя. Полное собрание сочинений*, Ленинград 1984, т. 26, здесь и далее с. 129-142.

² В. Викторович, *К проблеме художественно-философского единства „Евгения Онегина”*, „Болдинские чтения”, Нижний Новгород 1989, с. 24.

Ленский, не имев конечно
 Охоты узы брака несть,
 С Онегиным желал сердечно
 Знакомство покороче свести.

Тут слово „конечно”, написанное в Одессе в 1823 году, вполне выражает отношение Пушкина к женитьбе. Единственный намечавшийся брак Ольги состоялся не с Ленским, а с уланом, о котором мы ничего не знаем. А что было бы, ответь Онегин Татьяне взаимностью в начале романа? Имеется даже наследственная коллизия, упоминаемая Пушкиным: мать Татьяны, наслышанная от княжны Алины о романтических адюльтерах,

[...] вздыхала о другом,
 Который сердцем и умом
 Ей нравился гораздо более:
 Сей Грандисон был славный франт,
 Игрок и гвардии сержант.

И мать, выйдя замуж помимо своей воли,

Рвалась и плакала сначала,
 С супругом чуть не развелась,
 Привыкла и довольна стала.
 Привычка свыше нам дана:
 Замена счастию она.

Последняя мысль заимствована Пушкиным в романе Шатобриана *Рене*. Однако Онегин - не ленивый домосед типа Дмитрия Ларина. Ранний брак его с Татьяной продолжался бы недолго, - он сам ей об этом сказал. Пушкин не скупясь подчеркивал „антисемейность” Онегина.³ Он спервоначалу весьма циничен по части супружества, которое „было б мукой”. Он не дожидается смерти дяди, чтобы получить наследство и начать его проматывать. Чувства другого человека вообще мало заботят сего эгоцентрика. Если бы не лень, он не остановился бы перед тем, чтобы отбить Ольгу у Ленского, а впрочем, мимоходом начал это делать. Его альтернатива браку - стереотипный круг: влюбленность - достижение цели -

³ Мы придумали было слово *антисемейтизм*, но друзья сказали, что оно неудачное.

охлаждение - смена объекта, и все - „без цели, без трудов”.

Онегин, по выражению Достоевского, являет собой тип „несчастливого скитальца в родной земле”. Достоевскому возражали, что он, призывая к нравственному усовершенствованию, избежал политических причин существования подробного типажа на Руси. Споря с Достоевским, Глеб Успенский оценивал Алеко и Онегина как скитальцев, оторванных от народа, беспочвенных, чуждых своей стране.⁴ Достойны уважения затраты энергии пушкинистов, доказывавших, что Онегин формировал светлые идеалы борцов за правое дело: „Формула деревенской жизни Онегина - «вольность и покой замена счастью». Содержание этой формулы (в высшем, духовном ее проявлении) - выработка, уточнение передового общественного мировоззрения...”⁵ Но ведь следом Онегин называет свободу „постылой” и говорит: „Я так ошибся”. Стало быть, ошибся в том, что не женился на Татьяне и... что не вырабатывал передового мировоззрения? Нет, „социальность” Онегина форматировалась не Пушкиным.

Набоков отмечает двойственность характера Пушкина, отраженную в двух персонажах: Онегине и Ленском. Но и объединяют Пушкина оба они, раздвоение сливается, как лед и пламень.⁶ Добролюбов в известной статье *Что такое обломовщина?* обратил внимание на перемену в Онегине. Убив Ленского, он убил в себе ту часть, которая была близка Ленскому, то есть остатки романтизма, энтузиазм, собственную юность. Когда в конце Онегин видит Татьяну, не только в том дело, что она в другом статусе и не достижима, дело еще и в том, что сам он в другом статусе. Тот Онегин, которого она любила, также не достижим. Он утратил нечто, возможно, свою юность. Сделаем еще шаг: это молодой Пушкин не достижим в конце романа: он в другом статусе. Достоевский относит Алеко к первому периоду, а Онегина - начало к первому, а конец ко второму периоду Пушкина. Отсюда восьмую главу *Оне-*

⁴ Г. Успенский, *Праздник Пушкина. Собрание сочинений*. Здесь и далее: т. 6, с. 559-603. В переводе на советский язык - это тунеядцы, отщепенцы, моральные уроды.

⁵ Ю. Никишов, *Даль свободного романа как композиционный прием в „Евгении Онегине”*, „Болдинские чтения”, Горький 1985, с. 49.

⁶ *Eugene Onegin by Nabokov*, New York 1964, vol. 2, s. 228.

гина можно считать написанной другими или, точнее, изменившимся Пушкиным. Брак для обоих - героя и его создателя - есть способ перейти в другой жизненный круг.

Не раз отмечалось, что перемещение Татьяны от неудачной любви к браку по расчету может рассматриваться как центральная линия романа. При дефиците женихов в деревне по сути подходящий ей Ленский, которого уже прочили ей в женихи, выбирает (в нарушение традиционного старшинства) ее младшую сестру. Онегин тоже флиртует с Ольгой. Тот, кого она полюбила, становится убийцей сестриногo жениха. Во сне медведь помогает Татьяне перебраться через ручей, чтобы соединиться с Онегиным. Онегин провозглашает монстрам „Мое!“ В психоанализе сна Татьяны средний род, употребленный Пушкиным вместо логического „моя“, объясняется просто как „тело“.⁷ Во сне Татьяны Евгений кладет ее на скамью, сейчас свершится *это*, но в неподходящий момент являются незванные Ленский и Ольга.

Потебня рассматривает роковую линию Татьяны с точки зрения традиционной свадебной символики. Татьяна бесспорно ищет возможности соединиться с Онегиным. Незамерзающий ручей есть комплекс препятствующих обстоятельств. И, согласно русской обрядной традиции, еще до сочиненного Пушкиным окончания можно предсказать нелюбимого суженного, уготованного Татьяне, то есть генерала.⁸ Турбин замечает, что замужество обеих сестер именно на военных предсказано в романе:

Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали
И им сулили каждый год
Мужьев военных и поход.

„И вышло все так, как и было предсказано Акулькой какой-нибудь: и Татьяна, и Ольга обрели военных «мужьев» - безымянного улана и безымянного генерала“.⁹

⁷ С. Зимовец, *Молчание Герасима. Психоаналитические и философские эссе о русской культуре*, Москва 1996, s. 52.

⁸ А. Потебня, *Переправа через реку как представление брака*, „Московский археологический вестник“, 1867 - 1868, t. 1.

⁹ В. Турбин, „Евгений Онегин“ и мы, „The Pushkin Journal“, 1993, nr 2, s. 205.

Неубедительность образа Татьяны, по мнению Глеба Успенского, в том, что она „предает себя на съедение старцу-генералу”, хотя любит скитальца. Успенский обвинил Достоевского в „проповеди тупого, подневольного, грубого жертвоприношения”. Баратынский писал Пушкину о романе, что „старая и новая Россия проходят перед глазами”.¹⁰ Парадокс нам видится в том, что Татьяна, наверное, представитель новой России, а ее поведение - в русле России старой. Писарев вообще саркастически снимает Татьяну с пьедестала положительной героини и идеала за то, что: 1) она полюбила Онегина, еще даже не поговорив с ним; 2) она вышла замуж по расчету и 3) любя человека, который любит ее, отвергла его. Как замечает канадский пушкинист Дуглас Клейтон, „функция Писарева - образовать русскую читающую публику, поднять ее сознательность”.¹¹

Отчего Татьяна отказала Онегину? Вопрос наивный, но ответы на него весьма серьезные, и они помогают проанализировать потенциальные возможности ее развода.

По Белинскому, который одним из первых построил идеологический взгляд на роман и его окончание „досада и суетность имели свою долю в страсти Онегина”. Критик, менявший свои взгляды на Пушкина не раз, отмечает у Татьяны „страх за свою добродетель”, „трепет за свое доброе имя в большом свете”.¹² „...Именно *отдана*, а не *отдалась*! - пишет Белинский. - Вечная верность - кому и в чем? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безнравственны”. Татьяна создана природой для любви, „но общество пересоздало ее”.

Зато пушкинскую Марию Кочубей Белинский ценит выше Лариной. Почему на Татьяну общество повлияло, а на Марию нет? „Что перед нею эта перепрославленная и столько восхищавшая всех и теперь еще многих восхищающая Татьяна - это смешение дере-

¹⁰ *Переписка Пушкина*, Москва 1982, т. 1, с. 420-421.

¹¹ D. Clayton, *Ice and flame*, Toronto 1985. Здесь и далее: с. 32, 37, 57, 109, 113. Перевод наш.

¹² В. Белинский, *Полное собрание сочинений*, Москва 1955. Здесь и далее: т. 7, с. 425-502; т. 12, с. 94.

венской мечтательности с городским благоразумием”. А в письме В. П. Боткину Белинский опять пишет: „С тех пор, как она [Татьяна - Ю. Д.] хочет век быть верною своему генералу - ее прекрасный образ затемняется”. А в другой раз: „ум ее спал”, „не было тех регулярных занятий и развлечений, свойственных образованной жизни”, она „создание страстное, глубоко чувствующее и в то же время не развитое, наглухо запертое в темной пустоте своего интеллектуального существования”, „бедная девушка не знала, что делала”. Словом, Татьяна - „нравственный эмбрион”.

Достоевский строит свою модель: она - символ добродетельной России, тип „красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде”. Татьяна отказывает Онегину, типу, „в родную почву и в родные силы ее [России - Ю. Д.] не верующего, Россию и себя самого (то есть общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего, делать с другими не желающего и искренно страдающего”. Другими словами, по Достоевскому, у Онегина нет счастья ни в себе, ни в народе, ни в Христе, а у Татьяны есть. Татьяна твердо стоит на своей почве, а Евгений - духовный нищий. Чувствуете? Слегка осовременив, Онегин - враг народа, и патриотка Татьяна любить его не может. „Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина...” Только после политического приговора Достоевский обращается к нравственной сути отказа генеральши: „А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого?”

Аполлону Григорьеву видится, что „поэт высоко нравственный создает идеальный лик Татьяны”, которая живет „храня на дне души, как заветный клад, нравственные понятия предков”. Татьяна близка к „почвенной нравственности”, а Онегин оторвался от почвы.¹³ Тынянов обращает внимание на простонародное имя Татьяна и ее идеалистический мир (Кларисса, Юлия, Дельфина). Ей бы и влюбиться в Ленского, замечает он, но тогда - рушится весь роман. Благой не сомневается что у „Онегина искренняя страсть”. При этом Татьяна „в основном, в сути дела, права”.¹⁴ Это „права - не

¹³ А. Григорьев, *Эстетика и критика*, Москва 1980, с. 67.

¹⁴ Д. Благой, *Мастерство Пушкина*, Москва 1955, с. 193, 194.

права” являет уже советский подход. Гуковский и Макогоненко, однако, с этим не согласны: Татьяна не разглядела любви Онегина, обнаружила непонимание того, кого любила.¹⁵ Татьяна права, возвращается к Белинскому Уманская, так как в основе предложения Онегина лежит „мелкое чувство светского самолюбия и тщеславия”.¹⁶ И совсем без чувства меры рассуждает Турбин: „Татьяна - учредительница, основоположница какой-то новой морали, невидимое окружающим, то есть ими не узнанное чудо”.¹⁷

Набоков считал, что в финале *Евгения Онегина* - драма непонимания. Шкловский, напротив, писал, что Пушкин просто пародировал Татьяну, что поэт шутил.¹⁸ „Ирония хорошо прослеживается на всех уровнях романа”, - продолжает эту мысль современный исследователь Гуменная, считая, что когда анализируется Татьяна, об иронии забывают. Ее вечная любовь и отказ Онегину таят иронию Пушкина. Поэт пародирует светские любовные отношения, стиль жизни Татьяны описан с издевкой. В романе нет ее идеализации, каковая имеется в пушкинистике.¹⁹

Иной взгляд у Клейтона. „Сентиментальная схема, которую Достоевский навешивает на роман, достигает своего апогея в его интерпретации отторжения Татьяной Онегина”. По мнению Клейтона, Достоевский, сентиментализируя героиню Пушкина и превращая ее в идеал, просто освобождает семейные отношения Татьяны с мужем от какого бы то ни было сексуального контекста. В самом деле, Пушкин - такой вечный сексуально озабоченный, виртуозно устранил тему секса во всех отношениях своих героев, не предвидя, что сегодня внесексуальные отношения Онегина и Татьяны японскому пушкинисту покажутся подозрительными. „Думается, двух героев, Онегина и Ленского, связывают не просто дру-

¹⁵ Г. Гуковский, *Пушкин и проблемы реалистического стиля*, Москва 1957, s. 271; Г. П. Макогоненко, *Роман Пушкина „Евгений Онегин”*, Москва 1963, s. 125.

¹⁶ М. Уманская, *Романтизм и реализм в литературе 20-30-х годов XIX в.*, [w:] *Сборник. Проблемы русской литературы*, Ярославль 1966, s. 24.

¹⁷ В. Турбин, *Поэтика романа „Евгений Онегин”*, Москва 1966, s. 158.

¹⁸ В. Шкловский, *Очерки по поэтике Пушкина*, Берлин 1923, s. 214.

¹⁹ Г. Гуменная, *Заметки об авторской иронии в „Евгении Онегине”*, „Болдинские чтения”, Горький 1977, s. 47-54.

жеские отношения, - пишет Кейдзи Касама. - В особенности это касается Онегина... И здесь нельзя не почувствовать психологическую драму, ненормальной гомосексуальной любви и ненависти... Пушкин, вероятно, намекает на гомосексуальные наклонности Онегина, и говорит, что Татьяна все поняла".²⁰ Вот, оказывается, почему Татьяна отказала Онегину: он был в сексуальной связи с Ленским! А пушкинистика ломает голову сто пятьдесят лет...

Задолго до Флобера, провозгласившего „Эмма - это я", Кюхельбекер написал, что „Пушкин похож на Татьяну".²¹ Отказ Татьяны, по Андрею Синявскому, имеет быть оттого, что пушкинская Муза прочно ассоциируется с хорошенькой барышней, такой, какие всегда возбуждали поэта. „Незадачливая партнерша Онегина" и „хладнокровная жена генерала", Татьяна Ларина и являлась лучшей Музой Пушкина. Отсюда Синявский делает вывод: „Я даже думаю, что она для того и не связалась с Онегиным и соблюла верность нелюбимому мужу, чтобы у нее оставалось больше свободного времени перечитывать Пушкина и томиться по нем. Пушкин ее, так сказать, сохранял для себя". Пушкин для себя оставил „девственную ее, избранницу, что как монахиня, отдана ни тому, ни другому, а только третьему, только Пушкину".²²

Пушкинское „я" имеется во всех героях романа. Лев Пушкин вспоминает о брате: „он любил придавать своим героям собственные вкусы и привычки". Эпиграф из Вяземского „И жить торопится / И чувствовать спешит" идет Пушкину не менее, чем его герою. „В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь" (письмо от 27 мая 1826). Голоса современников, „что набросал я свой портрет", - волновали автора, и он, разумеется, отмежевывался. Но прозрачность легко угадывалась. „А что человеку (между нами будь сказано), - замечает Карамзин, - занимательнее самого себя?"²³

Болдинской осенью одновременно завершались два процесса: холостая жизнь поэта и многолетняя работа над *Онегиным*, целый

²⁰ К. Касама (Университет Васеда, Токио), *Гомосексуализм в творчестве Пушкина. Реферат, читанный на III Международной пушкинской конференции*, 1995, s. 4.

²¹ В. Кюхельбекер, *Дневники. Статьи*, Ленинград 1977, s. 99-100.

²² А. Терц, *Прогулки с Пушкиным*, Лондон 1975, s. 28-29.

²³ Н. Карамзин, *Избранные сочинения*, Москва 1964, t. 1, s. 600.

творческий период и холостая жизнь. То и другое заканчивал уже другой Пушкин - начала тридцатых годов. Вынужденное сидение в Болдино позволяет ему пересмотреть свои взгляды, страсти, желания. Вчерашнему противнику брака предстоит превратиться в мужа, помещика, чиновника. Удивительное предвидение: любимую свою Татьяну Ларину он сперва назвал Натальей - за десять лет до женитьбы и вычеркнул это имя как неподходящее к образу любимой героини. Теперь имя пришло к нему, так сказать, в живом виде. Создавая роман всю основную часть зрелой жизни, Пушкин лепил в нем свой земной идеал женщины, которая вдруг превратилась в идеальную модель его собственной будущей жены. Собственной, а не Онегина.

В год женитьбы Пушкина в „Московском калейдоскопе” появилась статья М. Макарова *Тверской бульвар*, а в ней стихотворение о бульваре:

Здесь и романтик-полупьяный;
И классицизма вождь седой,
Певцом ругавшийся Татьяны;
И сам певец с своей женой.

Кто б ни был ругаемый Пушкиным классицист, поэт тут вместе с двумя подругами: Татьяной и женой. Брак Пушкина нужен литературе, - вот как мыслилось и что писал приятель поэта Я. И. Сабуров: „Здесь не опомнятся от женитьбы Пушкина; склонится ли он под супружеское ярмо, которое - не что иное, как *pool pure* (ставка в игре) и часто не слишком верная. Как справится он с тем, чтобы нарушить привычный ритм своей жизни? Впрочем, мы ничего не теряем. Во всяком случае на худой конец, больше будет прекрасных строф; итог писателя - это его книга, а как он к ней приходит - его дело. Пусть брак, семья станут лишним томом в его библиотеке материалов - я согласен: она будет лишь богаче и плодотворнее”.²⁴ Если бы это было так!

Закончив в 1828 году шестую главу, Пушкин написал: „Конец первой части”. Сюжетного скелета все еще не было, текла „даль свободного романа”, неясная самому автору. Можно предположить, что он намеревался постепенно сотворить вторую часть, соразмер-

²⁴ „Литературное наследство”, 1958, s. 102-103.

ную первой, то есть еще пять-шесть глав хотя бы для симметрии. 19 декабря 1830 года Вяземский записывает в дневнике, что Пушкин привел в порядок главы восьмую и девятую, „ею и кончает”.²⁵

Пушкин спешит. Конец романа комкается. Две главы изымаются. Хочется скорей свести концы, и самый легкий выход - глава „Большой свет”, встреча двух героев. „Пушкин заторопился «окончить» роман, оставив его неоконченным”, - оксюморонно отмечает исследователь.²⁶ Развязка оказалась „нетрадиционной для жанра романа”.²⁷

Нет другого писателя в русской литературе, у которого бы персональное и литературное так сближались. В *Онегине* личное и романное соединились в одном дыхании творца, как еще никогда не было. Современные попытки объяснить единство звучат так: „Единство романа *Евгений Онегин* - это единство автора; это, можно сказать, *роман автора*, уже внутри которого заключен *роман героев*, Онегина и Татьяны”.²⁸ Полемика с этим взглядом: „вернее будет сказать обратное, что *роман автора* входит внутрь *романа героев*”.²⁹ Думается, перестановка ничего по сути не меняет.

В творчестве - такое единство автора и материала, присутствие автора во всех его персонажах и... „Татьяна - это я”. А в жизни - Наталья Николаевна оказалась противоположной Татьяне. Почему из всех ста тринадцати женщин, которых он любил до брака, выбрал он *Антитатьяну*?

О, люди! все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет,
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу:
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не рай.

²⁵ П. Вяземский. *Записные книжки*, Москва 1963, с. 208.

²⁶ Э. Бабаев, *Из истории русского романа XIX века*, Москва 1984, с. 38.

²⁷ Д. Благой, *Мастерство Пушкина*, Москва 1955, с. 180.

²⁸ С. Бочаров, «*Формы плана*», „Вопросы литературы”, 1967, nr 12, с. 118.

²⁹ Ю. М. Никишов, „*Евгений Онегин*”: *проблема жанра*, „Болдинские чтения”, Горький 1986, с. 7.

И сам не оказался исключением, добился брака с запретным плодом. Впрочем, даже соединение Ольги не с Онегиным, которому она, очевидно, подходит больше, а с Ленским, отражает жизненное противоречие Пушкина. Обе линии „Онегин - Татьяна” и „Ленский - Ольга” предвосхищают его жизнь. Парадокс: он дружил с умными женщинами, описывал скромных, а любил легкомысленных; перемена азимута произошла с его женитьбой, причем и тут из трех „подходящих” невест ни одна ему не приглянулась.

Ахматова назвала Пушкина моралистом, который жаждал „высшей и единственной правды”.³⁰ Можно добавить: в каждый данный момент. За пять лет до работы над восьмой главой в *Графе Нулине* поэт рассмотрел измену жены мужу весьма игриво. Хозяйка во всю кокетничает с гостем и, хотя дает пощечину графу, пробравшемуся к ней в спальню, все остальное свидетельствует о весьма вольных нравах и мужа и особенно жены при наличии намека на молодого холостого соседа. „В начале, - считает Мирский, - Татьяна близко привязана к прогрессивному дворянству, бардом которого был Пушкин тех лет... Татьяна восьмой главы, с одной стороны, апофеоз знатной леди, высшее выражение аристократизма, к которому Пушкин сам примкнул, а с другой - нравственный пример образцовой жены для Натальи Николаевны, которая, будучи отдана Пушкину, относилась к нему без особой симпатии как Татьяна к генералу, но ее будущее поведение в замужестве было основным элементом пушкинского вхождения в «высшие круги»”.³¹

Этот перелом во взглядах Пушкина подчеркивает Клейтон: „сие наверняка суеверная перестраховка со стороны поэта, который раньше стремился наставлять рога, а не читать моральные нотации своим невестам”. Морализм в текстах Пушкина отличался от его повседневной практики. Содержание восьмой главы *Онегина* сам поэт сформулировал и однажды проверил в лабораторных условиях за пять лет до этого:

В душе настало пробужденье
И вот опять явиласть ты...

И явилась генеральша Керн, не сказав, однако, что будет на век

³⁰ А. Ахматова, *Стихи и проза*, Ленинград 1976, s. 550.

³¹ D. Mirskij, *Pushkin*, New York 1963, s. 105-106.

верна нелюбимому генералу, которому отдана. Напротив, все произошло легко и просто, а Пушкин потом назвал ее дурой и хвастался приятелю, что он ее, если перевести с необщеупотребимого на более уместный, *заполучил*.

По мнению Цявловского, поздний и печальный роман Онегина с Татьяной отражает связь Пушкина с Каролиной Собаньской летом 1830 года, параллельную его сватовству. По письму к деду невесты, он уехал - „чтоб привести дела в порядок”, по письму к Вяземской - „Признаюсь к стыду моему, что я веселюсь в Петербурге и не знаю, как и когда я вернусь”. Его страстные стихи и письма не производят впечатления на Собаньскую, внезапная влюбленность, замечает Цявловский, „запоздала не несколько лет”. И еще: „Для письма Онегина к Татьяне поэт в большей мере черпает мысли, обороты и жизненную силу из своих писем к Собаньской”.³²

В последней главе ощущается насилие автора над материалом. Глава получилась как эпилог, и пришлось кратко распорядиться с героями. Сочиняя Татьяну, Пушкин делал ее почитательницей и последовательницей Дельфины, героини одноименного романа мадам де Сталь. Дельфина бунтовала во имя свободы чувства, протестовала против установленных норм поведения по воле г-жи де Сталь. Результатом этой *стилизации* Татьяны и было ее чересчур открытое объяснение Онегину в любви. Поведение Татьяны в конце романа прямо противоположно. Пушкин сам согласился с замечанием Павла Катенина, что переход от Татьяны - уездной барышни к знатной даме слишком неожидан и необъясним. Получается, что Пушкин навязал своей героине свободную манеру общения с мужчинами, которую осуществляла мадам де Сталь, а потом сам отобрал эту манеру, поскольку решил, что Татьяна должна стать носителем конформной морали.

Развязка романа вызвала удивление современников. Она вызвала бы и наше удивление, но мы к ней приучены с детства как к данности. Она стала для нас *как бы исторической*.

Из-за спешки Пушкина мы почти не видим очень важного героя романа, у которого даже нет имени. Он остался непрорисованным. Почему „какой-то важный генерал”, когда он муж главной

³² М. Цявловский, *Рукою Пушкина*, Москва - Ленинград 1935, с. 207-208.

героини и старинный приятель главного героя? Потеряла имя и Татьяна: она больше не Ларина, но мы не знаем новой фамилии, и фактически она теперь для нас „какая-то важная генеральша”. Безымянный генерал подразумевается в качестве значительной личности, вполне конкурентоспособной, если не более интересной, чем Онегин. Татьяна счастлива с ним. К мужу Татьяна относится респектабельно, с бóльшим уважением, чем к Онегину. В то же время тень генерала в каком-то смысле пародирует командора из *Каменного гостя*. Живой памятник, герой войны, отводит руки потенциального любовника от своей жены, руководит ее поступками.

„Этому-то старику-генералу”, - сказал вслед за Пушкиным Достоевский. Между тем Лернер напоминает, что после Наполеоновских войн генералами становились рано.³³ Друг Пушкина Раевский, к примеру, получил генеральское звание в 29 лет. Муж Татьяны вспоминает с Онегиным „проказы, шутки прежних лет” - значит, им есть что вспомнить, а Онегину в это время 28.

Ноту иронии по отношению к старому генералу добавил постановщик оперы *Евгений Онегин* в Пражской опере, которую мы слушали в 1995 году. Генерал выезжает на сцену в инвалидном кресле, крутя колеса руками. Но если отбросить модернизированный подход, все равно фантастическая способность предвидения у Пушкина-человека в противоречие с намерениями Пушкина-писателя победила: он поставил своего любимого героя в положение Дантеса. То есть Онегин, как позже Дантес, хочет, чтобы Татьяна Дмитриевна, как позже влюбленная в Дантеса Наталья Николаевна, ушла от нелюбимого мужа и сошлась с ним. И в романе, как потом в жизни Пушкина, нависает тема развода.

Нехватку сюжетного материала у Пушкина почувствовал Чайковский для оперы (либретто П. И. Чайковского). Тут появилось имя *Гремин* - имя гремит, с доминирующими нотами *ре* и *ми*, мог быть и *До-ре-мин*. В первоначальном варианте либретто третье действие начинается так: „Появление генерала. Он влюбляется в Татьяну. Она ему рассказывает свою историю и соглашается выйти за него замуж”.³⁴ Чайковский тоже не почувствовал любви Татьяны.

³³ Н. Лернер, *Муж Татьяны*, Ленинград 1929.

³⁴ П. Чайковский, *Об опере и балете*, Москва 1960, s. 53.

Романтика уложена в сундук: Татьяна холодно предпочитает жить без любви. Подправляя Пушкина, Чайковский в финале сперва заставил Татьяну падать на грудь Онегину, а в это время входил генерал. Фрагментарность сюжета как бы призывает к домысливанию окончания романа вот уже полтора столетия. Дискуссии о законченности Онегина не закончены, и, пожалуй, наиболее полный взгляд предлагает Тынянов: его идея состоит в том, что конец мог бы быть *любым*.³⁵

Недописанная глава *Путешествие Онегина* осталась половинчатой, ибо автор не решил, где все-таки герой путешествовал, *как и, главное (простите за вульгаризм) с кем жил*. За границу поэту увидеть так и не довелось. Описывать красоты Европы без личного впечатления - получилось бы нечто вторичное. В результате, как доказал еще Набоков, Онегин беспросветно долго едет из своего имения в срединной России на юг, в Одессу, которую Пушкин знал. Онегин попал к Татьяне, как Чацкий, с корабля на бал, но не было ни корабля, ни дальнего путешествия. И именно эта фальшь, нам кажется, привела Пушкина в Болдине к мысли выкинуть главу *Путешествие Онегина* вообще. Осталось завязать последний узел.

Поспешая завершить многолетний труд перед свадьбой, поэт в который раз примеривает разные варианты брачных отношений к себе лично. Биографические параллели усматриваются во многих плоскостях. Опыт героя в „науке страсти нежной” не помогает ему в отношениях с Татьяной, как отмечал пушкинист.³⁶ Неужто опытный ловелас Пушкин не может вскружить голову девочке? Но таково реальное состояние поглупевшего перед последней невестой поэта, который чувствовал себя мальчиком-неумейкой. Отсюда - Онегин „как дитя, влюблен”. Последовательность состояний: влюбленность - кажущаяся неприступность - растерянность - неуверенность в себе - смена привычного флирта на серьезность намерений. Тертый калач, Пушкин не может не понимать, что его реальная избранница далека, если не противоположна выработанным им параметрам. Но он закрывает глаза, он старается убедить самого себя

³⁵ Ю. Тынянов, *Поэтика, история литературы, кино*, Москва 1977, s. 52-77.

³⁶ Е. Хаев, *Проблема фрагментарности сюжета „Евгения Онегина”*, „Болдинские чтения”, Горький 1982.

и всех на свете, что это не имеет значения, что противоречия между созданной моделью и реальной кандидатурой вовсе нет.

Мужья для самого поэта никогда не были помехой, и ханжой он не был. В романе появившийся у Татьяны супруг также не является препятствием Онегину. Но в этот момент прочность брака жениху Пушкину представляется важнее любви, чего он не высказал бы всерьез ни раньше, ни потом.

Вообще-то перед поэтом два выхода: Татьяна уходит от генерала к Онегину (победа любви над долгом и общественным мнением) или - Татьяна говорит „нет” (победа морали над чувством, незыблемость и торжество брака, крепость семейных уз). Уточним еще раз, что это не для Пушкина, а для нас видятся две развязки сюжета *Евгения Онегина*. Для жениха-автора, ищущего семейного пристанища и только что вырвавшего у будущей тещи согласие невесты на брак, было бы по меньшей мере странным настаивать свою главную героиню стать неверной мужу. Вот почему посягатель на прочность брака Онегин наказывается. Пушкин хихикает по поводу отказа: „Онегин сохнет...” и т.д. Невозможность разводного окончания *Евгения Онегина* определялась не столько правдоподобностью сюжета, сколько настроением Пушкина в его конкретных обстоятельствах: альтернатива ему лично (а не героям) была ни к чему.

Пушкин делится секретом: „Вообрази, какую шутку выкинула со мной Татьяна: замуж вышла”. Толстой пересказывает: „Моя Татьяна поразила меня, - говорил Пушкин, - Она отказала Онегину. Я этого совсем не ожидал...”³⁷ Разумеется, тут игра, но важна степень произвола писателя. Он сгибает характер Татьяны в дугу; не она с ним а он, автор, с ней выкинул шутку и, похоже, против литературной достоверности.

Конечно, писать должно, как поэт сам заявил, „по законам, им [художником - Ю. Д.] самим над собою признанным” (15.456). Но, добавим, и нам, читателям, не запрещено иметь свои законы восприятия. Краткий финальный отказ говорит о Татьяне не меньше, чем все долгое описание ее жизни. Мережковский, например, весьма жестко определяет ее чувство: да, Татьяна любит Онегина, но

³⁷ Д. Маковицкий. У Толстого, „Литературное наследство”, т. 90, с. 143.

эта любовь стерильна, она по сути мертва.³⁸ Если так, то ее решение вполне прагматично.

А нынче! - что к моим ногам
Вас привело? какая малость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом.

Итак, любовь - некая малость, не нужная ни сердцу и ни уму. Татьяна иронизирует, издевается над ним. К концу романа, в сущности, звучат феминистские ноты. Сознание победы над мужчиной, торжество от того, что он больше не нужен. Она получает удовольствие от отказа. Татьянино „нет”, считает известный фрейдист, есть мазохизм.³⁹

Больше того, Клейтон вообще видит в Татьяне некий аппарат для возмездия: „Татьяна - инструмент для его [Онегина - Ю. Д.] наказания”. И еще: „Психологический уровень увязан с глубокой структурой сюжета, в котором она - инструмент судьбы”. Добавим от себя, продолжая эту мысль: Татьяна рассчитывается с Онегиным от имени всех женщин, которых он пользовал и оставил. Сюда включен и расчет от имени сестры Ольги за убийство Онегина, если хотите, месть. Мстительная Татьяна - это вовсе не такая уж идеальная женщина, как писано в хрестоматиях. Если „нет” Татьяны твердое, как камень, то ее мораль под вопросом. Прикидываться, что любишь, и жить с нелюбимым, обожая старую пассию, или не прикидываться, но жить с одним, а любить другого, - уж какой тут ореол святости? То и другое безнравственно. В таком контексте своеобразно смотрится славянофильский идеал Аполлона Григорьева: Пушкин (с его Татьяной) „является нашей русскою мерою чувств...”⁴⁰

Проблема треугольника решается в написанном одновременно с окончанием *Евгения Онегина* стихотворении, оставшемся неопубликованным. В нем красавица-испанка, а перед ней двое влюбленных рыцарей. Оба предлагают ей демократическим путем, без конфликта, выбрать любимого:

³⁸ Д. Мережковский, *Вечные спутники*, Санкт-Петербург 1906, s. 41.

³⁹ D. Rancour-Laferriere, *The Slave Soul of Russia*, New York 1995, s. 247.

⁴⁰ А. Григорьев, *Литературная критика*, Москва 1967, s. 212.

Кто, реши, любим тобою?
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

Подтекст восьмой главы романа, в отличие от этих стихов, представляется весьма значительным. Какие варианты Татьяна - женщина взрослая и неглупая - терзаясь перед решающим диалогом с Онегиным, тайно проигрывала вечером, а может, и бессонной ночью, лежа в постели рядом с постылым мужем? Очевидно, вариантов для выбора перед ней немного, но они есть

Она взволнована: наконец-то реально достижима ее связь с любимым. Победа ее любви. Онегин становится ее любовником. Счастье, которому не удалось осуществиться даже во сне. Для Пушкина-автора тоже это важно: не скучные нотации в браке, над которым он всегда насмеялся, а именно измена и тайная любовная афера делают произведение европейским, интересным читателю. *Евгений Онегин* остался, однако, платоническим романом. Через тридцать пять лет Всеволод Крестовский в *Петербуржских трущобах* драматизировал онегинский сюжет, сделав (если сохранять имена) Татьяну беременной от Онегина, а Онегина - женатым на женщине, которую он не любит. Все конфликты у Крестовского теряют романтический налет, сексуальность, отсутствующая у Пушкина в романе (в отличие от его жизненной практики) занимает большее место.

Толстой говорил, что замысел *Анны Карениной* возник „благодаря божественному Пушкину”.⁴¹ Задавшись естественным вопросом: а если бы Татьяна отдалась Онегину? - романист сосредотачивается именно *на измене и разводе*, там, где Пушкин остановился. Заменив генерала на Каренина, Толстой отвечает на этот вопрос на 375 страницах. Пушкин участвовал в работе Толстого, который, так сказать, переделывал окончание *Евгения Онегина*.

Вронский, как и Онегин, жил по своим правилам. „Правила эти, - слегка иронизирует Толстой, - несомненно определяли, что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, - что лгать не надо муж-

⁴¹ Л. Толстой, *Полное собрание сочинений*. Здесь и далее: t. 18, s. 322; t. 19, s. 213; t. 23, s. 12-40; t. 62, s. 16-269.

чинам, но женщинам можно, что обманывать нельзя никого, но мужа можно, - что нельзя прощать оскорблений и можно оскорблять и т.д. Все эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомненны, и, исполняя их, Вронский чувствовал, что он спокоен и может высоко носить голову". Читая этот катехизис светского человека, мы обнаруживаем, что Онегин нарисован чуть мягче, но он таков же, следует таким же правилам, и это нисколько не мешает Татьяне любить его. Больше того, как и многие мужчины в его круге, Пушкин в своей практической жизни, в отношениях с женщинами вполне следовал всем этим правилам, как, впрочем, и Толстой, пока ему не пристало время каяться, - за примерами ходить недалеко.

Дочь Пушкина Мария стала прототипом Карениной (хотя только по внешности). В первоначальных редакциях героиню звали Татьяной. Толстой не соглашался с Белинским, который считал, что Онегина занимала „поэзия страсти”, а „поэзия брака не только не интересовала его, но была для него противна”. Татьяна же, писал Белинский, „отстала”, подпала „под разряд идеальных дев” и не „дошла” до современных идей, - потому-то и была у нее „боязнь общественного мнения”. Толстой возражал, что дело в другом: в таинственном союзе любви, верности и долга, но построил сюжет, учтя именно эту позицию Белинского, которого как раз тогда тщательно перечитал. А заканчивая работу, Толстой назвал роман „невольным”. Моралист в нем подал голос, и этот моралист больше симпатизировал Татьяне, поэтому ее (то есть теперь Анну) надо было наказывать, то есть убить.

Анна идет чуть дальше Татьяны в осознании самой себя, говорит то, что не сказала Татьяна: „Какая же раба может быть до такой степени рабой, как я, в моем положении”. Немало найдется женщин в любую эпоху, которые мечтали бы о таком рабстве: благополучная жизнь да еще и любовь. Моральные ценности Татьяны? „Все ложь, все обман, все зло”, - говорит Анна. Обманутый Каренин предостерегает от „пучины”, а Анна и Вронский едут в Италию. Гипотетически в *Евгении Онегине*, если муж не согласился бы отпустить Татьяну, они с Евгением вполне могли бы бежать и отправиться за границу.

Анна отделена от Татьяны почти полувеком развития темы

и в русской жизни, и в литературе. Эта другая Россия, более открытое общество: непрочные устои, семейные драмы. „Каренин - человек старой формации. Для него семья - это „нерасторжимая крепость”, замкнутый мир со своими неизменными началами”, - объясняет нам современный литературовед.⁴² А разве эта характеристика не подходит к Пушкину, собирающемуся с духом перед собственной свадьбой и наставляющему нас на путь истинный „через Татьяну”? Как говорил герой Достоевского в *Бесах*, я не вас, я себя хочу убедить.

„В Анне Карениной, - сказал Толстой, - я люблю мысль семейную...”⁴³ Но в состоянии самого Толстого, писавшего это, зарождалось нечто более сложное: „Со мной случилось то, что жизнь нашего круга - богатых, ученых - не только опротивела мне, но и потеряла всякий смысл”. А в *Исповеди* еще больше уточняет: „Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни”. Так сближается самочувствие автора и героев. Происходит то, что мы назвали бы и у Толстого навязыванием героям своего состояния. И, может быть, состояния, помноженного на состояние позднего Пушкина, принявшего смерть „от брака”.

Левин, счастливый семьянин, спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться. Анна бросается под поезд, пытается застрелиться Вронский. Не многовато ли для одного романа? Пошловатый перебор, объяснимый, конечно же, состоянием самого Толстого. Слава Богу, он решил „самоубить” своих героев, а не себя. Псевдоволью героев автор *Анны Карениной* объяснял точно, как Пушкин: Толстой уже закончил главу объяснения Вронского с Карениным, стал править текст и - „совершенно для меня неожиданно [sic! - Ю. Д.], но несомненно [sic!] Вронский стал стреляться”. И оказалось „для дальнейшего это было органически необходимо”. Субъективное состояние писателя навешивается читателю в виде лапши на уши, как некая социальная необходимость. „Постепенно, незаметно возвратилась ко мне эта сила жизни”, - отчитывается Толстой в *Испо-*

⁴² Э. Бабаев, *op. cit.*, s. 133.

⁴³ С. Толстая, *Дневники*, t. 1, Москва 1978, s. 503.

веди. Возникает вопрос: если б заканчивал *Каренину* на год или два позже, разве не убавил бы число самоубийц в романе? Не случайно Фет, высмеивая банальность темы, предлагал дать роману другое, более нравоучительное название: *Каренина, или Похождения заблудшей овечки*.

Напряженно размышляя в ночной тиши, Татьяна, который раз в жизни, обдумывает брак с Онегиным. И, значит, развод с генералом. Проблема развода в обществе существовала. В общем виде, христианский брак освящен церковью, он есть таинство, ибо союз заключен на небесах. Он вечен, нерасторжим, непостижим, „тайна сия велика есть”. Брак как бы принимает форму религиозных отношений между мужем и женой. Развод есть ересь, а ересь наказуема от имени Бога.

В практической жизни, окружавшей его, поэт сталкивался с распадом браков с юных лет. Бабка Пушкина Мария Ганнибал была в разъезде с дедом, дядя Василий Пушкин со своей любовницей вез мальчика в Лицей, пушкинская ранняя возлюбленная княгиня Евдокия Голицына была в разъезде с мужем, дед Натальи Николаевны был двоеженцем, мать стремилась отдать отца в психушку, а сама сожительствовала со слугами, etc. Церковный брак расторгнуть было крайне трудно. В начале XIX века на то необходимо было получить разрешение консистории, которое утверждалось архиереем епархии, а с 1806 года одобрением Синода. Уважительными причинами для признания необходимости развода были безвестное отсутствие мужа или жены, монашество, ссылка или покушение на жизнь супруга, прелюбодеяние, доказанное собственным признанием или же свидетелями, двоеженство или двоемужество, а также болезнь, препятствующая брачной жизни.⁴⁴ В этом перечне нет ничего подходящего для Татьяны. На практике, правда, дело можно было разрешить также за большие взятки. Известен случай проигрыша жены в карты, в который вмешался царь и разрешил развод, но это была скандальная история. Практически реальным и удобным был *разъезд*, а длительная жизнь в разъезде могла стать основанием для развода. Либо - муж, может думать Татьяна, оказывается благороден, и отпускает меня с миром.

⁴⁴ А. Загоровский, *О разводе по русскому праву*, Харьков 1884, s. 282-393.

Будем пребывать *в разъезде*. И Татьяна с Онегиным живут без оформления брака. Либо - конфликт и следующая за ним тяжкая юридическая процедура развода *a la* Каренин.

Наконец, - и это тоже могла обдумывать Татьяна накануне решительного объяснения с Онегиным, - дуэль любовника с ее генералом. Вторая дуэль в романе не кажется такой уж невероятной. Герой Пушкина - не просто лишний человек из вереницы ему подобных, но оказывается *дважды третьим лишним*. Новый поединок вытекает из его характера: снова драка двух самцов за самку. И было бы вполне логично, если б Онегин опять выступил в роли *терминатора* своего соперника. Можно предложить студентам психологический тест с несколькими неизвестными: состоялась бы счастливая жизнь Татьяны с дважды убийцей? (Для сравнения: Наталья Николаевна выходит замуж за Дантеса.) Или, на этот раз, опытный вояка-генерал уложил бы поклонника своей жены, - повторы очень в логике данного романа. Дописывание окончаний за классиков (то, что называется *getake*) - модное хобби для любителей словесности, а такой сюжет, кажется, еще не возникал в литературных мистификациях *Евгения Онегина*.

Достоевский был весьма категоричен: „если бы Татьяна даже стала свободною, если б умер ее старый муж и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным”. Тут уж не автор, а сторонний писатель навязывал свою волю героям иужого произведения! „Предположим Онегин женился на Татьяне, - спорит с классиком канадец Клейтон, - был бы брак счастливым или распался от других симпатий и ревности? Потенциально такие варианты развития сюжета *Онегина* вполне прослеживаются”. Жаль, что мы не можем проверить все эти рассуждения: Онегин этот брак Татьяне формально и не предлагал. И не звал он ее отправиться с ним за границу (любимая мечта самого поэта), - речь шла только о любви. Путешествие в Италию придумал Толстой для своей Татьяны - Анны.

Итак, развязка отражает взгляды Пушкина на момент окончания романа. Когда он решил жениться, семья стала важнее, выше адюльтера. Умный и опытный человек, он сомневался в ответной любви Натальи Николаевны, и, вступая в брак с ней, стремился упредить ее поведение заклинанием „Я буду век ему верна”. Роман проигрывал от такого морализированного конца, но Пушкину это

надо было для жизни.

Пушкин часто и верно предчувствовал, но не часто поступал в лад с предчувствием. В русском языке, в отличие от английского, налицо два слова для бракосочетания, обращенных к противоположному полу: *женитьба* и *замужество*, но одно существительное *развод*, в отличие от английского, где имеется *separation* и *divorce*. Если люди расходятся сами, точнее было бы просто сказать *расход*, но такого значения этого слова нет. Слово *развод* происходит от слова *вести*, то есть присутствует кто-то третий: человек, начальник, церковь, государство или же - Бог, дьявол, неведомая сила, которые разводят двоих. В самом деле, если браки совершаются на небесах, то разводы - где же? Может, в аду?

Два с половиной года минуло с женитьбы поэта, и вот в *Пиковой даме* и *Медном всаднике* появляется трагическая тема отторжения мужчины и женщины потусторонними силами. Тема новая для Пушкина, но отнюдь не новая в литературе.⁴⁵ Мы, со своей стороны, обратили внимание на подсознательную связь мыслей о мистическом разобщении мужчины и женщины в произведениях Пушкина этого периода с напряжением отношений в его собственной семье. Факты эти игнорируются официальной пушкинистикой. Тлея понемногу, кризис в семье Пушкиных постепенно доходит до предразводного состояния. Раньше мы наблюдали его побег от индивидуализма и внебрачных отношений в семью, теперь - из семьи на волю.

В 1835 году поэтом создается притча *Странник*, неопубликованная при жизни, - о мечтаниях человека в семье: „Уныние мое всем было непонятно”. И у героя назревает план побега из семьи: „Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?”

Судя по обилию черновиков, нюансы состояния давались автору огромным трудом, он тщательно избегает прямо сказать о своем состоянии, но имеющийся текст все же достаточно открыт и биографичен.

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их

⁴⁵ Р. Шульц, *Пушкин и книдский миф*, München 1985.

На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал,
Иные уж за мной гнались...

Пушкинская модель семейной идиллии в силу известных читателю причин дала трещину. Что касается недоразвязанного романа, то он повис в сознании поэта, и автор к нему то и дело возвращается. Сперва в октябре 1833 года появляется черновая онегинская строфа с мыслью:

Давно забытого героя,
Когда-то бывшего в чести,
Опять на сцену привести.

В середине сентября 1835 года, уже изменившийся поэт вдруг пишет подряд три стихотворения продолжая диалог с друзьями и, в частности, с Плетневым на эту тему.

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман (наш) продолжать
(И строгой) век, расчета век железный
Рассказами пустыми угощать.

Ты говоришь: пока Онегин жив,
Дотоль роман не кончен - нет причины
Его прервать... к тому же план счастлив -

Плетнев действительно сызначала предлагал роман продолжить. Пушкин называет свой роман *оставленным*. Он согласен: „роман не кончен”. „Нет причины его прервать”, - говорит он, но была личная причина прервать и - начать обдумывать снова. „К тому же план счастлив”. Может, у поэта возник какой-то новый, счастливый план? Какой именно - мы этого никогда не узнаем.

Имелась, так сказать, техническая трудность перед Пушкиным - автором продолжения *Евгения Онегина*. Как продолжить сюжет, если Татьяна уже сказала в восьмой главе „нет”? Нам видится, будто Пушкин оставил такую возможность. Татьяна провозгласила открыто, что: а) любит Онегина; и - б) *в то же время* остается верной мужу. Нюанс важен. Одно дело, если б только нам, читателям,

автор потихоньку пояснил от себя, что *она*, оказывается, все еще любит *его*. Но нет, приняв решение отказать, Татьяна сама объявляет Онегину о любви к нему. Для чего? В нашем мужском понимании - чтобы он продолжал добиваться ее еще более настойчиво и ей пришлось бы сдаться, свалив грех измены мужу на неугасимого возлюбленного. „Нет” Татьяны под прессингом Евгения постепенно превратилось бы в „да”.

Пушкин почти ежегодно возвращается в роману, похоже, ищет тональность. В третьем наброске вариация повторяется:

Вы за „Онегина” советуете, други,
 Опять приняться мне в осенние досуги.
 Вы говорите мне: он жив и не женат.
 Итак, еще роман не кончен - это клад...
 (Пожалуй - я бы рад -)

Наконец, в четвертом черновике на ту же тему, писанном 16 сентября 1835 года (Пушкин сам поставил точную дату), мы видим возврат к знакомой онегинской музыке стиха, доказательство движения мысли поэта в сторону продолжения романа или, может быть, непосредственно продолжение, которое мы бы назвали *частью вступления к новой главе*:

Вы мне советуете, други,
 Рассказ забытый продолжать.
 Вы говорите справедливо,
 Что странно, даже неучтиво
 Роман не конча прерывать,
 Отдав уже его в печать,
 Что должно своего героя
 Как бы то ни было женить,
 По крайней мере уморить...

Почему Пушкин остановился? В советской пушкинистике это объяснялось тем, что поэта отвлекла „тема классово-борьбы”.⁴⁶ Думается, однако, проживи он дольше и решишь продолжить *Евгения Онегина*, роман получил бы другое окончание. Тогда, возможно, Толстому не удалось бы создать *Анну Каренину*: она была бы уже написана Пушкиным, причем в стихах.

⁴⁶ Н. Бродский, *Евгений Онегин*, Москва 1964, с. 321.